

Выйдя из Бюро по гражданским делам, Лу Ян проводил взглядом жену, которая уходила, утирая горькие слезы. Он остался стоять у крыльца, чувствуя, как внутри все выжигает тяжелая, удушливая желчь, которую ни выплеснуть, ни высказать.

Он лишь криво усмехнулся. Пять лет брака завершились закономерным и полным крахом.

В памяти сами собой всплыли чеканные фразы регистратора:

— Скажите, вы вступаете в брак по добровольному согласию?

— Да, мы берем друг друга в супруги по доброй воле... и будем любить всю жизнь!

— Отныне, в радости и в горе... мы клянемся хранить верность сегодняшнему обещанию!

В кармане брюк завибрировал телефон. Лу Ян на мгновение зажмурился, справляясь с подступившим оцепенением, а взглянув на экран, выдохнул короткий, исполненный сарказма смешок.

Телефонная трубка отозвалась наигранным сочувствием:

— Сяо Ян, как вы там с Синьсинь?..

Лу Ян мысленно скривился.

«К чему этот спектакль? Неужели трудно признаться, что тебе просто не терпится поглумиться над моим позором?»

— Развелись, — сухо перебил он.

На том конце провода воцарилась пауза, сменившаяся фальшивым вздохом:

— Что ж... Развелись — и ладно.

Лу Ян снова криво ухмыльнулся:

— Невестка, ты же меня знаешь. Я органически не перевариваю фальшь.

Женщина замаялась, а потом снова вздохнула:

— Эх, Синьсинь, конечно, хороша... Но и к лучшему, что все закончилось. Хоть перестанут вытирать о тебя ноги в своей семье.

Лу Ян вздрогнул. Эта фраза, брошенная то ли невзначай, то ли с умыслом, вонзилась в самое сердце, пустив обильную кровь.

— Мать уже в годах, так что ты ей пока ничего не говори, — донесся из динамика шорох одежды. — Невестка опасается, что ее сразит удар. И в родной дом в ближайшее время лучше не приезжай, а то мать заметит, что Синьсинь нет рядом, и станет расспрашивать... Ой, меня муж зовет, я отключаюсь.

Лу Ян медленно перевел дыхание, но тяжесть в груди никуда не исчезла. Слова невестки обжигали арктическим холодом: «Хоть перестанут вытирать о тебя ноги в своей семье».

Ха. Как похоже на слова, которыми старшие напутствуют бесправную дочь, выданную замуж за чужаков: «Перестань терпеть от них обиды, возвращайся домой».

Впрочем, глупо на нее обижаться. Он ведь и впрямь был лишь зятем, принятым в чужой дом, примаком без роду и племени. Ей ли не знать.

Бывшая жена Лу Яна, Чэн Синь, росла единственным ребенком в семье. Ее отец занимал пост ректора университета, где учился Лу Ян. На втором курсе они начали встречаться, а едва достигли брачного возраста, сразу же расписались.

Семья Лу Яна бедствовала, и тесть, не желавший отдавать дочь в нищету, настоял, чтобы зять вошел в их семью на правах примака.

Поначалу казалось, что судьба щедро одарила его и любовью, и карьерными перспективами. Протекция ректора открывала любые двери: сразу после магистратуры Лу Яну доверили вести университетский курс, а к моменту защиты докторской диссертации его путь и вовсе напоминал гладкую автостраду.

Вот только за пять лет супружества оправдалась старая истина: могилу для этого брака он начал копать в тот самый день, когда согласился стать примаком. Яма с каждым годом становилась все глубже, пока наконец не погребла его погребальным холмом.

Лу Ян прекрасно знал, что Чэн Синь всегда отличалась избалованностью, капризным и властным нравом. Ей угодить было практически невозможно. И когда в ее жизни появился кто-то другой, Лу Ян — человек, деливший с ней одну подушку, — почувствовал это слишком быстро.

Их супружеский долг давным-давно превратился в унылую повинность, лишенную малейшей страсти. А в последнее время она и вовсе перестала делать вид, что ей это интересно.

Любую свободную минуту она стремилась провести вне дома, окончательно забросив быт.

Кроме измены, объяснений не оставалось. И тогда он сам потребовал развода.

Тесть, чувствуя вину за поведение дочери, слегка посодействовал продвижению Лу Яна по службе и повысил ему оклад.

Лу Ян перечить не стал. Юношеская гордость давным-давно стерлась в порошок, да и деньги ему требовались всегда.

В свои двадцать девять лет, проработав несколько лет университетским преподавателем, он не накопил абсолютно ничего: ни банковского счета, ни собственной квартиры, ни машины.

Оформив развод, он просто собрал вещи и съехал из особняка тестя в скромную комнату в преподавательском корпусе.

Смысл телефонного разговора с невесткой был предельно ясен: та презирала его и одновременно панически боялась, что он вернется в родной дом претендовать на семейное имущество.

Но Лу Ян еще на втором курсе случайно узнал, что он — приемный ребенок, и с тех пор не взял у родителей ни единого юаня. С какой стати ему претендовать на их добро?

Как у него вообще поднялась бы рука обделит хромого родного брата?

И то, что за столько лет близкие так и не научились ему доверять, исчерпывающе характеризовало его собственную жизнь.

Домой ему путь был заказан, а возвращаться в унылую служебную комнату совершенно не хотелось. Лу Ян не пил уже много лет, но прямо сейчас до безумия захотел оглушить себя алкоголем.

Поразмыслив, он решил набрать Линь Юэ — единственному хорошему другу в этом городе.

После университета Линь Юэ открыл элитный бар, который успел завоевать немалую популярность в определенных кругах.

Линь Юэ был геем. В тонкости этой субкультуры Лу Ян никогда не погружался и в заведении друга гостевал крайне редко.

Обычные питейные заведения он тоже не жаловал — там вечно толкся сомнительный

контингент, а напиваться в уличной забегаловке не позволяли остатки приличий: если отключишься, даже присмотреть за тобой будет некому.

Так что пришлось переступить через стеснение и обузить друга.

Многолетняя дружба не была пустым звуком — едва услышав голос Лу Яна, Линь Юэ коротко велел ему называть адрес и пробираться к нему.

Городские артерии в этот час задыхались в пробах. Лу Ян поймал такси и добрался до дверей заведения только к шести вечера.

Впрочем, торопиться ему было некуда, да и дома у него больше не было. Потерянные в автомобильном заторе часы не вызвали в его душе ни малейшего досадования.

Раньше он ценил каждую минуту, а теперь, сидя в одиночестве за стойкой и потягивая напиток целых полчаса, даже не ощутил, что тратит время впустую.

Линь Юэ позвонил как раз в тот момент, когда к Лу Яну попытался подсесть уже третий за вечер посетитель. Лу Ян слегка приподнял бокал и с вежливым, но непреклонным холодом посмотрел на незнакомца. Тот все понял без слов, понимающе кивнул, тоже чуть качнул своим стаканом и отступил с нескрываемым сожалением, соблюдая негласный этикет.

Линь Юэ сообщил по телефону, что застрял в пробке и задержится минут на тридцать.

Впрочем, его присутствие было не так уж и необходимо. Лу Ян пришел просто выпить, а дальше ему требовался лишь уголок, где можно приклонить голову.

Если бы друг приехал, начались бы расспросы, а вываливать душу совершенно не хотелось.

Главное — не сидеть в абсолютном вакууме. Лу Ян перекинулся парой фраз с общительным барменом и нисколько не заскучал.

Вскоре двери заведения распахнулись, и внутрь вошел Линь Юэ. На нем был стильный светлый костюм, украшенный изящным принтом из сочно-зеленых листьев — наряд выглядел свежо, необычно и неизбежно притягивал взгляды.

Шутливо ткнув в лицо Лу Яну экран смартфона с запущенным секундомером, Линь Юэ с улыбкой произнес:

— Смотри! Я не опоздал, даже две минуты в запасе осталось!

Лу Ян лишь покачал головой:

— Да если бы ты и опоздал, я бы слова не сказал.

Линь Юэ озорно ухмыльнулся и вальяжно опустился на соседний стул:

— Зная твою нетерпимость к непунктуальности, я нарочно назвал время с запасом, чтобы не лететь сломя голову.

Лу Ян горько усмехнулся. Его прежние дурные привычки давно сгорели в пепле семейной жизни. Заметив испарину на лбу друга, он постарался придать голосу непринужденный тон:

— И где ты так уработался, что весь взмыл?

Линь Юэ щелкнул пальцами, подзывая бармена:

— Да нигде. Погонял с моим крашем в бадминтон, а потом поймал такси. У водителя в салоне стояла такая духота, что меня чуть не кондрашкахватила.

Лу Ян удивленно вскинул брови. То, что друг сам заговорил о личной жизни, было в новинку:

— Вот так просто взял и выложил? Перестал прятать своего благоверного?

Линь Юэ расплылся в счастливой улыбке, в его глазах вспыхнул искренний озорной огонек:

— А чего его прятать? Он же не кисейная барышня. Я только-только его уломал, самое время хвастаться!

Лу Ян шутливо состряпал недовольную мину: вот уж подгадал товарищ — только-только оформил развод, а его тут же напичкали чужой патокой.

К чести Линь Юэ, тот вовремя спохватился:

— Ладно, не зубоскаль. Колись давай, что у тебя стряслось? С чего вдруг развод?

Лу Ян беззаботно пожал плечами:

— А что тут рассказывать? Не сошлись характерами, вот и разбежались.

Линь Юэ подозрительно смерил его взглядом, звякнул своим бокалом о его стакан, сделал глоток и выпрямился, всем видом демонстрируя готовность к долгому и серьезному разговору.

Лу Ян не удержался от смеха:

— Ты чего уселся как на партийном собрании? Сказку на ночь ждешь?

Линь Юэ с абсолютно серьезным лицом кивнул:

— Имена, пароли, явки.

Лу Ян хмыкнул:

— Ну ладно, садись поудобнее, сейчас брат устроит тебе «Тысячу и одну ночь».

Линь Юэ слегка хлопнул его по плечу:

— Не паясничай. Я серьезно.

В груди у Лу Яна что-то екнуло, и он, придав лицу максимально свирепое выражение, процедил:

— Не захотел больше терпеть тряпку внутри себя, вот и подал на развод. Ты же знаешь мой характер — я гордый до тошноты. А согласиться стать примаком тогда было полнейшим безумием.

Линь Юэ и впрямь до сих пор удивлялся, как Лу Ян вообще пошел на этот шаг. У того всегда была болезненная обостренная гордость и невероятная склонность усложнять себе жизнь.

На третьем курсе, когда распределяли гранты на стажировку за границей, Лу Ян страстно мечтал поехать. Чэн Синь, желая помочь ему обойти формальности, подключила связи отца.

Грант и так предназначался Лу Яну, Чэн Синь лишь узнала результаты раньше времени.

Но узнав о ее вмешательстве, Лу Ян встал в позу, отказался от поездки и жестко поругался с девушкой.

Линь Юэ помнил, как они тогда расстались, и лишь когда Чэн Синь начали насильно водить на смотрины с другими кавалерами, Лу Ян сдался и сделал предложение на ее условиях.

И вот чем все закончилось.

— И что думаешь делать дальше? — тихо спросил Линь Юэ.

— Да ничего... Побуду пока один.

— А Синьсинь?..

— Перегорело.

Линь Юэ всматривался в его лицо, опасаясь, что тот просто держит фасон:

— Совсем перегорело?

Он ведь был свидетелем всей их истории, знал, через какую грязь и боль они прошли, чтобы быть вместе.

Но Лу Ян лишь спокойно смотрел на него и безболезненно, едва заметно качнул головой.

Линь Юэ поднес бокал:

— Ну, тогда я уважаю твой выбор. Пусть дальше все сложится к лучшему.

Лу Ян улыбнулся:

— Спасибо, брат.

Сказать, что на душе у него было легко, значит соврать. Столько лет искренней любви, взаимных терзаний и попыток сохранить видимость семьи — и все уперлось в банальную, грязную измену. Сволочизм, да и только.

И каково это — быть зятем-примаком, из которого выжали все соки? До сих пор непонятно, какими коврижками его заманили в эту ловушку пять лет назад.

Лу Ян сам не заметил, как отключился. Проснулся он только на следующий день в районе полудня. Возраст, видимо, давал о себе знать: похмельный синдром отозвался раскалывающейся головой.

Осколки воспоминаний беспорядочно кружились в голове, сливаясь в сплошное мутное пятно.

Он нащупал телефон, с трудом разлепил один глаз и прочитал единственное аудиосообщение от Линь Юэ, отправленное глубокой ночью.

Оказалось, когда Лу Ян окончательно «поплыл», тот уложил его спать в номерах при баре, а сам уехал домой.

С трудом растирая виски, Лу Ян сел на кровати, немного пришел в себя, после чего вызвал такси и отправился в преподавательский корпус.

Проходя мимо работников корпуса, он случайно услышал свежие сплетни. Речь шла о Линь Юэ, и история выглядела весьма пикантно.

Ранее Линь Юэ хвастался, что познакомился со своим ухажером в экскурсионной группе: тот показался ему невероятно правильным и милым, вот он и решил за ним приударить.

Лу Ян знал о существовании этого загадочного кавалера лишь со слов друга, но лично знаком не был. Вчера он бессовестно приватизировал внимание Линь Юэ, заставив того пить с ним до ночи.

Теперь Лу Яну стало неловко: надо бы при случае загладить вину и угостить парочку хорошим обедом.

Отлежавшись дома еще полдня, он набрал Линь Юэ с предложением пообедать, но тот начал отнекиваться, ссылаясь на дикую занятость своего спутника.

Впрочем, ближе к вечеру они все же встретились втроем.

Избранник Линь Юэ вежливо и оценивающе оглядел Лу Яна. Тот лишь сдержанно улыбнулся: судя по всему, мужчина пришел не столько поесть, сколько обозначить границы своей территории.

Партнер Линь Юэ оказался человеком солидным, сдержанным, но при этом замечательным собеседником.

Линь Юэ по натуре оставался сущим ребенком — взбалмошным и азартным, да и бар открыл скорее ради забавы. А вот в паре с этим мужчиной они смотрелись удивительно гармонично.

Глядя на них, Лу Ян не ощутил никакого неприятия. Напротив, они казались ему отличной парой.

Он опасался, что вид двух милующихся мужчин вызовет у него отторжение, но на деле внутри не проскочило ни тени отвращения. Скорее уж... легкая зависть.

Едва они попрощались и разошлись, как от Линь Юэ прилетело сообщение:

«Ну как он тебе?»

Лу Ян не удержался от колкости:

«Судя по его виду, если он согласится вложиться в твой убыточный гадюшник, это будет истинная любовь».

Линь Юэ в ответ лишь виртуально скривился, но спорить не стал — фраза про «истинную любовь» явно льстила его самолюбию.

Его бар... Ну да, за пять лет он то приносил прибыль, то уходил в минус, вечно требовал ремонта, и если посчитать чистый убыток, пара десятков тысяч юаней туда точно улетела. Но не настолько же все было беспросветно, как расписал Лу Ян! Впрочем, слышать такой отзыв все равно было приятно.

«А если без подколок, как он тебе как человек?» — допытывался Линь Юэ.

Лу Ян ответил честно:

«Превосходный мужик. Степенный, с прекрасными манерами и отличным чувством юмора. Береги его».

Он всегда говорил то, что думал, и никогда не скупился на похвалу.

Преподавательская привычка мгновенно выхватывать достоинства и недостатки собеседника сказывалась и здесь.

Сейчас Лу Ян жил легко. Раньше он выслушивал пустые упреки жены и тестя, а теперь просто сбросил с себя эти оковы.

Сказал Линь Юэ, что не любит — значит, действительно не любит. Никакой игры на публику.

За пять лет брака любовная лодка разбилась о капризы, эгоизм и вздорный характер Чэн Синь. От прошлых чувств осталась лишь легкая ностальгия по ушедшей молодости.

В студенческие годы он не был домоседом: вставал на рассвете ради пробежки, мог проехать через весь город на автобусе или метро только ради чашки хорошего кофе.

Мог в гордом одиночестве караулить открытие цветочной лавки, чтобы купить самый первый,

свежесрезанный бутон для романтического сюрприза.

Сейчас он тоже не сидел в четырех стенах и продолжал бегать по утрам, но больше не стал бы тратить час на дорогу ради кофе. Ему было проще выпить простой воды в преподавательской, лишь бы сэкономить пару минут.

Был ли он так уж загружен как преподаватель? Вовсе нет. Просто у него вошло в привычку делать все дела на предельной скорости, чтобы в образовавшихся паузах предаваться тяжелым раздумьям.

Размышлениям о том, что его трехмесячного жалованья не хватит даже на покупку машиноместа в подземном паркинге тестя.

И смутным метаниям от понимания, что на полугодовой оклад он не купит ни одной сумочки из гардеробной своей жены.

Они разлюбили друг друга давно. Измена жены стала лишь детонатором, разнесшим этот трухлявый фасад.

Лу Ян понимал, почему Чэн Синь плакала у Бюро — ровно так же, как понимал, почему сам напился накануне. Любовь умерла, но память о юности осталась.

Теперь, после развода, у него наконец появилось свободное время. Лу Ян давно хотел попробовать знаменитый ушиный суп в одном дальнем ресторанчике, да все руки не доходили из-за долгой варки. Теперь же он с удовольствием съездил туда, вкусно поел и снова начал получать удовольствие от неспешных поездок в метро ради чашки хорошего кофе.

Развод подействовал на него так, словно с груди свалился огромный валун. Воздух, наполнявший легкие, казался невероятно свежим — хоть и покалывал с непривычки, но даровал удивительную легкость.

Неделю спустя Лу Ян окончательно вошел в новую колею, и тут же друзья, коллеги и руководство принялись наперебой сватать ему кандидаток в невесты.

Вот только сам Лу Ян с удивлением обнаружил, что к романтике он абсолютно хладнокровен, а к сексу и вовсе равнодушен.

Вместо свиданий с женщинами ему куда больше нравилось проводить время в бассейне или тренажерном зале.

Заново перебирая эти мысли во время очередной беседы с Линь Юэ в баре, он услышал от друга:

— Не знай я тебя сто лет, решил бы, что ты латентный гей.

Лу Ян полюбопытствовал:

— И какие у геев характерные признаки?

К своему удивлению, он осознал, что предположение друга не вызывает у него ни малейшего отторжения.

Линь Юэ осекся. Он не ожидал такого вопроса и мгновенно пожалел о сказанном. Лу Ян был человеком въедливым: если ты сравнивал его с кем-то, он требовал раскладку по пунктам — почему, как и на каком основании.

Без наезда, без споров — просто как констатация факта. Ему действительно двигило чистое любопытство.

Как и сейчас: потеряв интерес к женщинам, Лу Ян искренне зацепился за слова друга. Почему тот решил, что он похож на гея? В чем это выражается? И как это связано с его охлаждением к противоположному полу?

Лу Ян любил заходить в тупики собственных рассуждений, и Линь Юэ, испугавшись, попытался дать задний ход:

— Да брось ты, ляпнул не подумав! Не бери в голову. Я просто насмотрюсь тут на ваших, вот мне везде геи и мерещатся. Забудь.

Лу Ян усмехнулся:

— Не похож — и ладно, заставлять тебя оправдываться не буду. — Он сделал паузу и добавил: — Хотя... попробовать с мужчиной, пожалуй, было бы можно. Вдруг у меня двунаправленная ориентация?

Линь Юэ вытаращил глаза:

— Ты в своем уме вообще?

Он понятия не имел, в какие дебри завели друга его мудреные мысли, поэтому добавил со всей серьезностью:

— Не майся дурью. Найди себе нормальную бабу и живи спокойно.

Однако у Лу Яна были свои причины так говорить.

В последние дни он много думал и даже проводил эксперименты: женщины действительно перестали вызывать у него хоть какой-то отклик.

Даже когда он пытался вызвать в памяти лицо бывшей жены или вспоминал студенческие романы, тело оставалось абсолютно равнодушным.

Лу Ян забил тревогу, решив, что у него начались проблемы со здоровьем, но врачи в один голос твердили, что он абсолютно здоров. Доктор лишь посоветовал ему попробовать начать новые отношения и не форсировать события.

В то же время знаки внимания со стороны мужчин в гей-баре больше не вызывали у него неприязни. Разве не говорят, что у геев есть встроенный «радар»? Раз уж к нему подсаживаются знакомиться, значит, в нем есть нечто от этой культуры. Вдруг он — глубоко запрятанный, еще не раскрывшийся гей?

Вооружившись этой теорией и фактом полного отсутствия тяги к женскому полу, он усадил себя за барную стойку, сбыл с рук назойливого Линь Юэ и, неторопливо потягивая коктейль, решил присмотреться к окружающим.

Вдруг попадется кто-то, к кому ляжет душа?

Чжао И выехал из офиса и сразу направился в гей-бар. Заведением владел избранник его близкого друга.

Раньше они несколько раз ужинали вместе. Поначалу Чжао И был искренне изумлен, когда его степенный приятель вдруг обзавелся второй половинкой, а глядя на взбалмошный нрав этого паренька, и вовсе поглядывал на него свысока.

«И что за шумный мальчишка? Как его только занесло к моему другу?»

Но после пары совместных встреч его отношение кардинально изменилось. Этот парень был похож на яркое летнее солнце, и в сочетании со сдержанным характером друга они составляли удивительно гармоничный дуэт.

Чжао И был искренне рад за товарища.

Но где-то на дне души шевелилась тихая грусть. Пусть юношеские увлечения давно остались в прошлом, вид чужого счастья все равно бережил старые раны.

Они с другом были слишком разными: работать вместе — идеально, а вот проживать одну жизнь до старости — упаси боже.

Да хотя бы взять постель — тут они заведомо не смогли бы договориться.

Чжао И вернулся в страну два года назад и с тех пор ни с кем не спал. Недавно, после очередной посиделки с другом и его парнем, он сгоряча завалился в бар и даже снял кого-то, но до дела так и не дошло — сдулся по дороге.

Использовать людей в качестве суррогата или утешительного приза он не хотел и искренне презирал подобные вещи.

Этот бар привлекал его хорошей атмосферой. Когда на душе становилось паршиво, Чжао И приходил сюда просто посидеть. На попытки флирта он всегда отвечал отказом — то ли был слишком привередлив, то ли просто не встречал никого, кто зацепил бы взгляд.

Сегодня же один из его менеджеров умудрился напортачить в финансовой ведомости. Чжао И всегда обладал феноменальным чутьем на цифры: уйди этот документ к клиентам, компания потеряла бы не один миллион.

Он был готов уволить недотепу на месте, но, учитывая его заслуги и стаж, ограничился жестким выговором.

А менеджер прямо в кабинете хлопнулся в обморок. Увезли на скорой — оказалась тяжелая патология печени.

Ассистент потом рассказал, что этот сотрудник вместе со своей командой пахал без просыпу трое суток ради этой чертовой ведомости. Знал, что с печенью беда, но решил дотянуть до сдачи проекта, а уж потом лечь на обследование.

Чжао И, только что рвавший и метавший, выслушал доклад помощника, посмотрел на лежащего под капельницей сидящего мужчину, который был старше его лет на десять, и ощутил, как в душе закипает сложный коктейль из горечи и усталости.

Проведя весь день на ногах вместе с подчиненными, Чжао И теперь сидел у центральной стойки бара и на полном серьезе подумывал найти кого-нибудь на одну ночь.

Без всяких подтекстов и поиска замен — просто спустить накопившийся пар.

Обычно он забивался в самый темный угол, где его мало кто замечал в полумраке. Но стоит ему усесться в центре заведения у всех на виду, как вокруг него словно вспыхнул невидимый ореол.

Чжао И был чертовски хорош собой: соболиные брови, глубокий пронзительный взгляд, чеканные скулы и мужественный подбородок. Настоящий альфа-самец с невероятно мощным доминантным посылом.

В этом заведении, где пассивных партнеров вечно драли втридорога из-за дефицита настоящих активов, он выглядел как драгоценный алмаз.

По другую сторону стойки Лу Яна одолевали своими перешептываниями двое парней-пассивов. Не удержавшись, он с любопытством проследил за их взглядами.

В этот самый миг Чжао И тоже поднял глаза.

Их взгляды пересеклись сквозь хрустальную паутину перевернутых бокалов, висевших над стойкой.

Вокруг бушевало море барных огней, и в глазах каждого из них отразилась целая россыпь мерцающих звезд.

<http://bllate.org/book/20700/2105625>